

Т.В. Чумакова, Е.А. Овчинникова

Учебная литература в России XVII–XVIII вв. как источник по истории этических понятий*

Чумакова Татьяна Витаутасовна – доктор философских наук, профессор. Санкт-Петербургский государственный университет. Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9; e-mail: chumakovatv@gmail.com

Овчинникова Елена Анатольевна – кандидат философских наук, доцент. Санкт-Петербургский государственный университет. Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9; e-mail: ovchinnikovaea@mail.ru

Статья посвящена анализу этических понятий в учебной литературе и дидактических пособиях, популярных в русской культуре в XVII–XVIII вв. Основными источниками исследования были выбраны следующие тексты: «Гражданство обычаев детских» (перевод «De civilitate morum puerilium» Эразма Роттердамского), «Юности честное зерцало», «Ифика и иерополитика», «Арифметика» Леонтия Магницкого, перевод «Orbis sensualium pictus» Яна Амоса Коменского, «Нравоучительная философия» Ф.Х. Баумейстера. Исторические границы исследования определяются как период активного «присвоения» поведенческого кодекса европейской воспитанности и формирования морального языка, позволявшего выстраивать как внешние формы нравственной жизни общества, так и способствовать развитию этической рефлексии. Рассматривая учебную литературу данного периода, можно выявить не только этическую терминологию, но и обнаружить объем формирующихся понятий и их предметное поле. В моральных понятиях фиксировались правила поведения, нравственные характеристики человека, моральная значимость труда, познания, учения. Исследование учебной литературы позволяет представить, как с изучением начал грамоты, арифметики и др. наук в сознание входил нравственный мир в его целостности и разнообразии, проследить историю становления этической терминологии от нравоучительных, дидактических сочинений до первых учебных пособий конца XVIII в., в которых этика уже выделяется

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-011-00766 «Категориальный строй русской этической мысли». Funding: The report study was funded by RFBR, project No. 19-011-00766 «Categorical System of Russian Ethic Thought».

в самостоятельную область философского знания. Таким образом, изучение и включение в сферу этического анализа столь различных по своему назначению источников дает возможность комплексного исследования как основ теоретической, философской этики в России, так и обыденного языка морали русского общества эпохи Просвещения. Во многом благодаря этим учебным пособиям в русской культуре происходило формирование категориально-понятийного языка морали.

Ключевые слова: этические понятия, русская этическая мысль, учебная литература в России XVII–XVIII вв.

В последние десятилетия благодаря усилению исследовательского интереса к отечественной культуре XVII–XVIII вв., к «трансферам» идей, в том числе и морально-нравственных¹, а также к школьным пособиям² и педагогическим практикам Нового времени появились труды, в которых скрупулезно исследуется морально-этический компонент и его место в произведениях педагогического характера³. Этот интерес отчасти провоцируется благодаря новым методологическим подходам к изучению истории русской философии⁴. Однако, несмотря на множество работ, посвященных данной теме, некоторые аспекты, и, в частности, такие, как становление понятийно-категориального аппарата русской этической мысли, в том числе и в русле педагогического дискурса, остаются еще недостаточно изученными. Данный исторический период – «долгий XVIII век»⁵ – представляет несомненный интерес с точки зрения анализа этических понятий, морального языка, в рамках которого формировалось моральное сознание русского общества. Через учебную, дидактическую, нравоучительную литературу происходило активное «присвоение» поведенческого кодекса европейской воспитанности, позволявшего выстраивать внешние формы нравственной жизни общества, способствовало становлению новых форм государственной жизни. Культурные трансформации русского общества в течение «долгого XVIII века» отчасти были спровоцированы трансфером разнообразных идей западноевропейской культуры, в том числе и педагогических. Педагогические тексты, учебные пособия и даже их фрагменты переводились, издавались на протяжении XVII–XVIII вв., происходила их постепенная

¹ См. напр.: Корзо М.А. Нравственное богословие Симеона Полоцкого: освоение католической традиции московскими книжниками второй половины XVII в. М., 2011.

² Библиографию см. напр.: Kosheleva O. What Should One Teach? A New Approach to Russian Childhood Education as Reflected in Manuscripts from the Second Half of the Seventeenth Century // Word and Image in Russian History / Eds. M. di Salvo, D.H. Kaiser. Boston, 2017. P. 269–295.

³ Корзо М.А. О формах и содержании нравственного назидания в школьных учебниках и детских книгах для чтения (XVI – начало XIX века). Ч. I // Человек. 2020. Т. 31. № 3. С. 116–134.

⁴ Быстров В.Ю., Камнев В.М. Судьба русской философии и современность. Трансформации ценностей и трансформация моделей. Ч. I // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. Вып. 3. С. 333–347.

⁵ Ананьева А. «Долгий XVIII век»: характерные черты периодизации вне календарной хронологии и применение концепта к российской истории // Изобретение века. Проблемы и модели времени в России и Европе XIX столетия / Ред. Е. Вишленкова, Д. Сдвижков. М., 2013. С. 319–329; Mason T., Smallwood Ph. Introducing the Long Eighteenth Century: Literary History and the New Pedagogy // The Cambridge Quarterly. 2000. Vol. 29. No. 3. P. 191–213.

«адаптация» и «присвоение» русской книжностью, в результате чего и становится возможен трансфер идей и понятий.

Одна из первоочередных задач данной статьи заключалась в отборе необходимых источников и применении метода историографического описания в сочетании с методами социокультурного контекстуального анализа, позволивших проанализировать основной корпус материалов, выявить нравственные понятия, их объем и предметную область. Учебная литература XVII–XVIII вв. дает возможность реконструировать процесс становления в русской культуре нравственной картины мира на понятийно-категориальном уровне.

Современные исследователи отмечают, что российская интеллектуальная жизнь XVIII ст. во многом опиралась на

...понимание морали как объективного стандарта поведения, который остается неизменным в меняющемся мире. Вкратце этот господствующий взгляд можно охарактеризовать как утверждение о том, что в мире существуют этические ценности, управляющие поведением вне зависимости от обстоятельств, и тот, кто следует им, живет добродетельной жизнью⁶.

О том, каким успехом пользовалась нравоучительная литература, говорят тиражи и переиздания книг. Так, в 1752 г. Львовское Успенское братство издало тиражом 2500 экземпляров книги «Богословія нравоучительная» (книга выдержала три переиздания), а в 1760 переиздало «Ифику иерополитику, или философию нравоучительную символами и приуподоблении изясненную» (первое издание: Киев, 1712), иллюстрированную 67 гравюрами на меди Ивана Филиповича. В 1790 там же был опубликован учебник Христиана Баумейстера «Наставления любомудрия нравоучительного содержащая любомудрие практическое всеобщее право естественное, ифику и политику с латинского на российский язык преведеная от Петра Лодия»⁷.

Все учебные пособия XVII в. были направлены на то, чтобы сформировать этот моральный «остов» человека еще в детском возрасте. Такой подход был вполне традиционным для славянской культуры. Обучение грамоте, вводящее человека в мир культуры, начиналось с так называемых «азбучных молитв», которые использовались для обучения не только грамоте, но и правилам «устроения» человеческой жизни в мире, созданном Богом для человека.

В начале XVII в. в России появляются произведения, специально посвященные воспитанию детей. Одним из первых было написанное Иваном Андреевичем Хворостининым (ум. 1625) произведение «О царствии небесном и о воспитании чад», в котором автор совсем не обеспокоен практическими вопросами воспитания, образования, поскольку его главная мысль состоит в том, что ребенок должен быть религиозно образован, что необходимо для вхождения в «царствие небесное». По всей видимости, даже священнослужители были настроены более практично в данном вопросе. Об этом говорит памятник покаянного права, известный нам по тексту Требника XVII в. как

⁶ Бугров К.Д., Киселев М.А. Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург, 2016. С. 225–226

⁷ Шустова Ю.Э. Документы Львовского Успенского Ставропигийского братства (1586–1788): источниковедческое исследование. М., 2009. С. 214–215.

«Поновление детем малым»⁸, который начинается с вопроса о «божении на криве», а затем идут по порядку: запрет обценной лексики, недопущение присвоения «на милостыню посланного» и покупка на это «лакомства», непослушание родителям, нарушение ритуальной чистоты перед посещением церковной службы, грубость и злоба. Таким образом, большая часть исповедуемых «детских» грехов – это не столько преступление против веры или нарушения христианской морали, сколько нарушение норм поведения в обществе. Воспитание социальных, «гражданских» добродетелей с XVII в. становится неотъемлемой частью любых учебных пособий, даже математических.

Показательна в этом отношении «Арифметика» Л. Магницкого (1703), в которой этические понятия встречаются повсеместно; там можно обнаружить и рассуждения о благе и о нравственном достоинстве тех, кто изучает науки, добывая «многополезнейший свободному любомудрия плод»⁹. С назидания морально-нравственного начиналось изучение «Арифметики»:

Любве бо плод есть совершенный
кий труд за друга сотворенный
И сего ради возвышаемъ
всеусердно сия обещаемъ.
Целомудрию прилежати и трудолюбию ти стяжати...
Целомудрено бо и любезно
желаем творить что полезно¹⁰.

В этом тексте мы сразу сталкиваемся с таким привычными для христианского религиозно-философского дискурса концептом как «любовь», который в данном случае выступает как гармонизирующее начало, и актуальной для русской культуры XVII–XVIII вв. концептосферой, связанной с представлениями о труде и трудолюбии. Восприятие труда в средневековой картине мира было достаточно сложным. С одной стороны, тяжелый труд – это то, что стало атрибутом человеческого существования после грехопадения (Быт. 3: 19), но, с другой стороны, это случилось по велению Бога, а значит, любой труд хорош, если им занимаются во славу Божию. В «Материалах для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского семантика слова «труд» очень широка (труд, работа, болезнь, недуг, страдание, забота, подвиг)¹¹, она полностью отражает весь спектр восприятия этого понятия в средние века и раннее Новое время. Среди тех слов, которые с греческого переводили как «труд» значит и «agon». Если мы выстроим ценностную вертикаль значений слова «труд», то внизу будет «рабство», а на вершине – «агон». Это слово в античности ассоциировалось со священным состязанием, и не изменило своего значения в патристике, где стало обозначением священных страданий, мученичества святых¹². Понятие

⁸ Алмазов А.И. Тайная исповедь в Православной Восточной Церкви: Опыт внешней истории: Исследование преимущественно по рукописям. Т. 3. Приложения. Одесса, 1894. С. 205–206.

⁹ Магницкий Л.Ф. Арифметика. М., 1703. Л. 18.

¹⁰ Там же. Л. 2.

¹¹ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. Т. 3. СПб., 1903. Стб. 1007–1009.

¹² Lampe G. Patristic Greek Lexicon. Oxford, 1961. P. 25.

«труд» сакрализуется, начинает восприниматься как способ служения Богу, а трудолюбие становится христианской добродетелью, порой приобретая почти космический масштаб, так в «Толковой Палее» (список 1406 г.) уточняется, что если ночь была создана Богом для отдыха человека, то день для трудолюбия¹³. Важность труда подчеркивается во множестве нравоучительных текстов XVII в. Об этом писал Симеон Полоцкий, значимость «непрядности» утверждал Карион Истомина в «Домострое» (1696):

Непрядну бытии юну подобает,
 Всяк приличну делу да внимает
 В доме и в торгу, в вотчине, в приказе
 Ремесло свое твори во указе.
 Лицем и сердцем являтися благо,
 Ничто же давай знати в себе злаго,
 Но во всем честност буди показуя,
 Не произноси скверна слова буя¹⁴.

Прочитанный выше текст является фрагментом из переложенного Карионом Истоминным на стихи перевода сочинения Эразма Роттердамского «*De civilitate morum puerilium*», которое, без сомнения, было одним из самых популярных текстов в Европе XVII–XVIII в. До нашего времени русский перевод дошел более чем в двадцати рукописных списках и различных изданиях. На русском языке этот трактат Эразма известен под разными названиями: «Гражданство обычаев детских», «Гражданство нравов благих, на краткия вопросы разделенное» (что связано с его вопросно-ответной формой русского перевода), «Гражданство и обучение нравов детских», «Златая книжица о гожении нрав» (перевод XVIII в. Иоганна Паузе) и даже «Домострой» (уже упоминавшееся стихотворное переложение, сделанное Карионом Истоминным в 1696 г.). Неоднократно переводившийся на русский язык вплоть до XIX в., к началу XX в. он даже стал восприниматься как самобытное древнерусское произведение. Лексема «гражданство» входит в обиход древнерусских книжников достаточно рано, поскольку используется активно в переводах текстов Григория Назианзина¹⁵. Но активно в лексикон русского языка этот термин входит в конце XVII ст. (неоднократно упоминается в «Арифметике» Магницкого, и конечно же в «Гражданстве обычаев детских»), семантический спектр этого понятия в основном совпадает с понятием «*civilité*», которое, по утверждению Роже Шартье, имеет двойную коннотацию: оно вписано в общественное пространство общества граждан и противостоит варварству тех, кто не был цивилизован. Таким образом, оно оказывается тесно связано с культурным наследием, восходящим к истории Древней Греции, к той форме общества, которая предполагает свободу подданных по отношению к власти государства. Если цивилизованность противопоставляется варварству, то она также противоположна деспотизму. Во второй семантической цепи, как в словарях, так

¹³ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. М., 1977. С. 200.

¹⁴ Кошелева О.Е. Рукописный сборник учебного состава и А.А. Вениус // Русь, Россия: Средневековье и Новое время / Ред. В.Л. Янин. Вып. 3. М., 2013. С. 493–494.

¹⁵ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1. Стб. 575–576.

и за их пределами, «civil» и «civilement» принадлежат к ряду прилагательных, обозначающих социальные добродетели¹⁶. В русском языке рассматриваемого периода понятие «гражданство» приобретает черты социальной, даже патриотической добродетели, поскольку обозначает как собственно гражданскую принадлежность, так и устройство, порядок, «чин», соблюдение «обычаев»¹⁷. Для России сочинение Эразма имело такое же значение, как и для Европы, где благодаря его многочисленным изданиям (не менее восьмидесяти в XVI в., не менее тринадцати в XVII в.) всей ученой Европе был предложен единый кодекс поведения¹⁸, сложилось само понятие «воспитанности», единое для разных слоев людей. Норберт Элиас, скрупулезно разбирая значение трактата Эразма для европейской культуры, отмечал, что «именно понимание этих предписаний как общечеловеческих правил, отсутствие отнесения “хорошего” поведения к определенному социальному слою, и отличает труд Эразма от сочинений его последователей в итальянской и прежде всего во французской традиции»¹⁹.

В 1717 г. в России вышло в свет первое издание знаменитого пособия для юношества «Юности честное зеркало», которое также во многом было создано на основе трактата Эразма. Но этот текст несет в себе воспоминание о предшествующей эпохе, к чему отсылает уже его название, роднящее это произведение с многочисленными средневековыми «княжескими зеркалами» или произведениями литературного жанра, в которых дидактические и политические идеи выражались в форме советов правителю²⁰. И это родство с «зеркалами» вызывает ассоциации с «Поучением Владимира Мономаха» и «Домостроем». Особенно заметной «старина» становится в той части «Честного зеркала», где даются советы девицам. Впрочем, ассоциации с древнерусским наследием здесь скорее стилистические, чем фактические, поскольку среди авторов афоризмов, включенных в текст, упоминается Лютер: «Лютер написал: человеку не может быть ничто приятнее и угоднее как благочинная девица»²¹; да и женские добродетели, перечисляемые в произведении, близки к протестантскому идеалу²², ведь это не только благопристойное поведение, чистота и проч., но и трудолюбие²³ (трудолюбие и труд как достойный образ жизни упоминаются в тексте 7 раз).

Среди этических понятий, которые наиболее часто встречаются в тексте произведения, можно выделить группу понятий, связанных с концептом

¹⁶ Chartier R. The Cultural Uses of Print in Early Modern France. Princeton, 2019. P. 71–72.

¹⁷ Словарь русского языка XI–XVII вв. С. 118.

¹⁸ Chartier R. The Cultural Uses of Print. P. 77–78.

¹⁹ Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. Т. I. М.; СПб., 2001. С. 138.

²⁰ Lambertini P. Mirrors for Princes // Encyclopedia of Medieval Philosophy / Ed. H. Lagerlund. Dordrecht, 2020. P. 1211–1218.

²¹ Юности честное зеркало или Показание к житейскому обхождению: Собранное из разных авторов повелением е. и. в. государя Петра Великого блаженныя и вечнодостойныя памяти. – И ныне пятым тиснением напечатанное. Санкт-Петербург, 1767. С. 78.

²² См. подробнее: Stjerna K. Women and the Reformation. Malden; Oxford, 2009.

²³ Юности честное зеркало. С. 61, 66.

«честь», который близок понятию «гражданство», о котором мы говорили выше. Лингвистическая единица «честь» встречается в словах «благочестивый» («благочестивый кавалер»), «честный» («старые честные люди»). «Благочестные люди» – это такие люди, которые «честное имя и непорочное житие имеют»²⁴. И конечно же (что снова заставляет вспомнить «зеркала» средневековья), вспоминается «честь и слава»²⁵.

С помощью учебного пособия «Юности честное зеркало» в России продолжался процесс апроприации поведенческого кодекса западной элиты. Этот текст, который воспринимается как феномен петровской эпохи, когда «элитой» становятся «простецы», заслужившие это право благодаря трудам во славу государя и государства, также воспроизводит универсализм (проистекающий из того, что правила эти по сути являются этическими) предложенных Эразмом Роттердамским правил. В человеке внешность является признаком его бытия, а поведение становится точным показателем качеств души и ума. Хорошие манеры, добродетели и ум репрезентируются в манере ходить, одеваться, есть и говорить.

Эти «учебные пособия» демонстрируют то, насколько связаны миры видимый и невидимый, внешний и внутренний, и насколько социум может влиять на каждого индивида, на уравнивание видимого и невидимого, внешнего и внутреннего, социального и индивидуального. Манеры не просто отражают требования жизни, регулируемой отношениями с другими (что может оправдать существование кодексов, специфичных для каждой среды); они имеют моральную ценность.

Единство внешнего и внутреннего, их глубокая взаимосвязь были основной темой еще одного популярного в России переводного учебного пособия – «*Orbis sensualium pictus*» Яна Амоса Коменского (с 1768 по 1822 гг. в России вышло семь изданий «для юношества»). Это было иллюстрированное учебное пособие, в котором выстроена картина мира от природных феноменов до явлений человеческой культуры, включая знание о религиях, устройстве «земного шара»²⁶, и, конечно же, философию и этику. Первое русское издание вышло в 1768 г. в переводе профессора Московского университета И.М. Штадена. Раздел «Ефика»²⁷ знакомит ученика с такими понятиями, как *virtus* (добродетель), *honor* (честь), *prudencia* (благоразумие), а в разделе «Тщание/*Sedulitas*» (усердие) упоминается и понятие *труд* (*opus*)²⁸. «Устроение» достойного человека немислимо без понятия *меры* (*modus*) в разделе «Воздержание»²⁹.

Говоря об иллюстрированных изданиях, скорее тяготевших к стилю «эмблемат», нельзя не упомянуть еще одно необычайно популярное издание. Это «Ифика иерополитика», привлекающая интерес исследователей, занимающихся

²⁴ Юности честное зеркало. С. 15.

²⁵ Там же. С. 29.

²⁶ Иоанна Амоса Комения. Видимый свет на латинском, российском, немецком, италянском и французском языках представлен. М., 1768. С. 322–325.

²⁷ Там же. С. 330.

²⁸ Там же. С. 338.

²⁹ Там же. С. 342.

эмблематическими изображениями и историей отечественной этической мысли. Это сочинение, с одной стороны, вполне вписывается в ту же парадигму, что и рассмотренные выше, поскольку адресовано оно в первую очередь юным (как это следует из предисловия к книге³⁰) для воспитания разума, а с другой стороны, своим притчевым стилем оно скорее напоминает нравоучительные сочинения средневековья (вроде «Физиолога»). И акцентация в нем делается не на «социальные добродетели», а на привычные для христианской традиции образы сердца, любви. «Ифика» является яркой иллюстрацией тезиса о том, что несмотря на кардинальные изменения в жизни русского общества, произошедшие в XVIII в., «религиозная компонента в учебной литературе полностью не исчезает»³¹.

К концу XVIII в. в России нравственная картина мира формируется в языке как на уровне обыденного сознания, так и теоретической рефлексии. Этика как учебная дисциплина приобретает свою предметную определенность, формируется ее понятийный аппарат в процессе становления философской лексики, академического языка. После разграничения предметной области этики и нравственного богословия, которое было предпринято Феофаном Прокоповичем, они будут присутствовать в дисциплинарном пространстве как самостоятельные науки, отличающиеся построением моральных систем и своеобразием терминологического языка³².

Первые учебники этики для учебных заведений представляли переводные издания, как и многие нравоучительные сочинения этого периода были переведены с латыни. В процессе перевода на русский язык формировался терминологический язык этики как науки и учебной дисциплины, с одной стороны, и как моральной рефлексии русского общества, с другой стороны. Наиболее распространенными и общепринятыми становятся учебники Христиана Баумейстера³³. Преподавание таких философских дисциплин, как логика, метафизика и нравоучительная философия, начиная с 70-х гг. XVIII в., велось преимущественно по учебникам Баумейстера не только в университете, но и в других учебных заведениях, в том числе и духовных³⁴. Одним из первых изданий учебника Баумейстера был перевод, сделанный учителем Сухопутного Шляхетного Кадетского Корпуса Иваном Исаевым «Нравоучительная философия

³⁰ Ифика иерополитика или Философия нравоучительная символами и приспособлении изъяннена к наставлению и пользе юным. Киев, 1712. Л. 1.

³¹ Корзо М.А. О формах и содержании нравственного назидания в школьных учебниках и детских книгах для чтения (XVI – начало XIX века). Ч. II // Человек. 2020. Т. 31. № 4. С. 147–164.

³² В исследовании А.А. Бронзова «Нравственное богословие в России в течении XIX столетия» (СПб., 1901) дан обстоятельный анализ первых изданий по нравственному богословию в России.

³³ Наряду с уже указанным изданием следует упомянуть следующие переводы Баумейстера, которые позволяют считать данный учебник одним из наиболее известных: «Нравоучительная философия содержащая естественное право, этику, политику, экономию и другие вещи, для знания нужные и полезные» (вышел в переводе Дм. Синьковского в 1788 г.), и «Нравоучительная философия содержащая наставления любомудрия нравоучительного, содержащие в себе любомудрие практическое всеобщее, право естественное, ифику и политику» (вышел в переводе П. Лодия в 1790 г.).

³⁴ См.: Павлов А.Т. Философское образование в Российской империи. М., 2017.

в пользу благородного юношества» 1783 г.³⁵ Как отмечали многие исследователи, учебники, по которым преподавали этику, или нравственную философию в конце XVIII в., ориентировались на философскую систему Хр. Вольфа. Оставляя в стороне вопрос о теоретической системе анализируемых учебников, остановимся преимущественно на понятийно-терминологическом аппарате данных изданий. Анализ учебных пособий по нравственной философии Баумейстера позволяет сделать вывод о том, что к концу XVIII в. этика обрела в России свой академический язык, что позволяет говорить о ней как науке и учебной дисциплине. Понятийный строй этики формировался в процессе перевода с латинского на русский язык. Для обозначения самой науки использовали различные термины: «философия практическая, или деятельная, или нравственная» (здесь следует заметить, что термин «нравственная философия» будет более характерен и для сочинений русских философов конца XIX в. в отличие от современного звучания «моральная философия»). «Философия деятельная, или нравственная не иное что есть, как та часть философии, которая преподает нам правила, коими воля человеческая в избрании добра и в избегании зла управляется»³⁶. В философию практическую, следуя логике Баумейстера, включается «этика» («ифика», «ефика» – в разных переводах), которая также называется «нравственной наукой» (не знанием, а наукой, поскольку «научает» стремиться к добру и отдаляться от худа/зла): «Нравственная наука в том главное имеет упражнение, чтоб показать способ к приобретению добродетели»³⁷. Этика как практическая философия нацелена на формирование добродетели через познание, исторические примеры, литературу и театр:

С историями весьма смежны суть басни, особливож на театрах и позорищах представляемые. Некоторые сим басням приписывают толикую силу воспламенять любовь к добродетели в сердцах зрителей, и возбуждать живое познание, что почитают театры за училища добродетели³⁸.

Однако наряду с таким «живым» познанием необходимо «ясное добра и худа познание», которое в добродетельных упражнениях может быть явлено. Следовательно, нравственная наука включает как познание добродетели (как научным путем, так и через литературу и театр), так и непосредственное нравственное действие – упражнение в добродетели. В структуре учебника можно выделить следующие этические понятия: нравственность, которая определяется как «доброта и худоба действий человеческих», совесть (рассуждение о «честности» и «непристойности» действий), обязательства, должности человека по отношению к друзьям и недругам, добродетели умеренности, целомудрия, добродетели в щасти и нещасти, смиренномудрие и невознощивость, благоразумие и благопристойность и ряд других понятий. В разделе учебника, посвященном этике, встречаем главу под названием «Политика или Градомудрие», что продолжает традицию рассмотрения нравственного поведения как

³⁵ *Баумейстер Хр.* Нравоучительная философия в пользу благородного юношества. Санкт-Петербург, 1783.

³⁶ Там же. С. 4.

³⁷ Там же. С. 174.

³⁸ Там же. С. 182.

поведения гражданского, а толкования этики как «питательницы благонравия в обществе»³⁹.

Русская культура XVII–XVIII вв. представляет несомненный интерес с точки зрения трансформации нравственной жизни общества и формирования морального языка, основных этических понятий. Многие понятия, их значения приходят в русскую культуру из переводных текстов – от ранних нравоучительных сочинений до первых учебников по нравственной философии. В процессе перевода, с одной стороны, происходит усвоение существующих нравственных практик, моральных образцов, с другой стороны – формирование собственного понятийного языка, позволяющего осмыслить нравственную картину общества в складывающемся этическом языке. В область нравственной рефлексии русского общества через учебную и нравоучительную литературу вошли проблемы гражданского поведения, отношения к труду, образованию и науке, нравственные характеристики человека и общества. В этот период формировались моральные ценности, модели поведения, нравственные образцы и идеалы русского общества, русская литература «заговорила» моральным языком. Этому процессу в немалой степени способствовала учебная литература, определявшая на протяжении данной эпохи становление русского общества и государства, восприятие морали прежде всего как социально организующего начала, формирующего представление о должном поведении, социальных добродетелях, нравственных образцах и воспитательных задачах.

Изучение нравоучительной, учебной литературы XVII–XVIII вв. помогает реконструировать формирование обыденного и теоретического языка морали русского общества эпохи Просвещения, расширяет возможности исторического исследования русской этической мысли, моральных нарративов эпохи, анализа оснований теоретической, философской этики в России.

Список литературы

Алмазов А.И. Тайная исповедь в Православной Восточной Церкви: Опыт внешней истории: Исследование преимущественно по рукописям. Т. 3. Приложения. Одесса: Типо-литография Штаба Одесского военного округа, 1894. 296, 89, XVI с.

Ананьева А. «Долгий XVIII век»: характерные черты периодизации вне календарной хронологии и применение концепта к российской истории // Изобретение века. Проблемы и модели времени в России и Европе XIX столетия / Ред. Е. Вишленкова, Д. Сдвижков. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 319–329.

Баумейстер Ф.Х. Нравоучительная философия в пользу благородного юношества. СПб.: Тип. Морского шляхетного кадетского корпуса, 1783. 280 с.

Бугров К.Д., Киселев М.А. Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2016. 480 с.

Быстров В.Ю., Камнев В.М. Судьба русской философии и современность. Трансформации ценностей и трансформация моделей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. Вып. 3. С. 333–347.

³⁹ Баумейстер Фр. Нравоучительная философия в пользу благородного юношества. С. 2.

Иоанна Амоса Комения. Видимый свет на латинском, российском, немецком, итальянском и французском языках представлен. М.: Печатня при Московском университете, 1768. 477 с.

Ифика иерополитика или Философия нравоучительная символами и приспособления изъяснена к наставлению и пользе юным. Киев: тип. Киево-Печерской лавры, 1712. 186 с.

Корзо М.А. Нравственное богословие Симеона Полоцкого: освоение католической традиции московскими книжниками второй половины XVII в. М.: ИФРАН, 2011. 155 с.

Корзо М.А. О формах и содержании нравственного назидания в школьных учебниках и детских книгах для чтения (XVI – начало XIX века). Ч. I // Человек. 2020. Т. 31. № 3. С. 116–134.

Корзо М.А. О формах и содержании нравственного назидания в школьных учебниках и детских книгах для чтения (XVI – начало XIX века). Ч. II // Человек. 2020. Т. 31. № 4. С. 147–164.

Кошелева О.Е. Рукописный сборник учебного состава и А.А. Вينيус // Русь, Россия: Средневековье и Новое время / Ред. В.Л. Янин. Вып. 3. М.: Изд-во МГУ, 2013. С. 491–498.

Магницкий Л.Ф. Арифметика. М.: Печатный двор, 1703. 673 с.

Павлов А.Т. Философское образование в Российской империи. М.: Изд-во МГУ, 2017. 379 с.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. М.: Наука, 1977. 403 с.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. СПб.: Тип. Имп. АН, 1893–1903.

Шустова Ю.Э. Документы Львовского Успенского Ставропигийского братства, (1586–1788): источниковедческое исследование. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 646 с.

Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. Т. I. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. 330 с.

Chartier R. The Cultural Uses of Print in Early Modern France. Princeton, New Jersey: Princeton UP, 2019. 376 p.

Kosheleva O. What Should One Teach? A New Approach to Russian Childhood Education as Reflected in Manuscripts from the Second Half of the Seventeenth Century // Word and Image in Russian History / Eds. M. di Salvo, D.H. Kaiser. Boston: Academic Studies Press, 2017. P. 269–295.

Lampe G. Patristic Greek Lexicon. Oxford: The Clarendon Press, 1961. 1568 p.

Lambertini P. Mirrors for Princes // Encyclopedia of Medieval Philosophy / Ed. H. Lagerlund. 2nd Edition. Dordrecht: Springer-Verlag, 2020. P. 1211–1218.

Mason T., Smallwood Ph. Introducing the Long Eighteenth Century: Literary History and the New Pedagogy // The Cambridge Quarterly. 2000. Vol. 29. No. 3. P. 191–213.

Stjerna K. Women and the Reformation. Malden; Oxford: Blackwell, 2009. 269 p.

Educational Literature in Russia of the 17th–18th Centuries as a Source for the History of Moral Concepts

Tatiana V. Chumakova

St. Petersburg State University. 7/9 Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; e-mail: chumakovatv@gmail.com

Elena A. Ovchinnikova

St. Petersburg State University. 7/9 Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; e-mail: ovchinnikovaea@mail.ru

The article analyses moral concepts in the educational literature and didactic manuals, which were popular in Russia in the seventeenth – eighteenth centuries. The main sources for the research are the following texts: ‘The Citizenship of Children’s Habits’ (translation of ‘De civilitate morum puerilium’ by Erasmus of Rotterdam), ‘The Honest Mirror of Youth’, ‘Iphika and Hieropolitic’, ‘Arithmetic’ by Leontiy Magnitsky, a translation of ‘Orbis sensualium pictus’ by John Amos Comenius, and ‘Didactic Philosophy’ by F.X. Baumeister. The chronological frames of the research are defined as a period of and active ‘appropriation’ of moral codes of the European good manners, and the shaping of the ethical language allowing to build both the outer forms of the moral life of the society, and its ethical reflection. Taking into account the educational literature of that period, we may not only reveal its moral concepts, but also outline the general volume of new terms and their definitions. Moral concepts captured the rules of behaviour, moral characteristics of persons, the ethical significance of their labour, education, and upbringing. Studying the educational literature allows us to understand the role of the introduction of basic grammar, arithmetic, and other disciplines in the shaping of the new moral world in its integrity and diversity, to trace the history of formation of moral terms and concepts from didactic ethical compositions to the first manuals of the late eighteenth century, where ethic was presented as a specific field of philosophy. Thus, studying such various sources in the context of the ethic analyzes allows us to do a complex research of the basics of theoretical philosophical ethic in Russia, as well as the commonplace moral language of the Russian society of the epoch of Enlightenment. Largely thanks to these manuals, the categorical and conceptual language of morality was formed in Russian culture.

Keywords: moral concepts, Russian ethic thought, educational literature in Russia of the seventeenth – eighteenth centuries

References

Almazov, A.I. *Tajnaya ispoved’ v Pravoslavnoj Vostochnoj Tserkvi: Opyt vneshnej istorii: Issledovanie preimushhestvenno po rukopisyam* [Secret Confession in the Orthodox Eastern Church: The Experience of External History: A Study mainly based on Manuscripts], Vol. 3. Odessa: Tipolitografiya Shtaba Odesskogo voennogo okruga Publ., 1894. 296, 89, XVI pp. (In Russian)

Anan’eva, A. “‘Dolgij XVIII vek’: kharakternye cherty periodizatsii vne kalendarnoj khronologii i primenenie kontsepta k rossijskoj istorii” [‘The Long XVIII Century’: Characteristic Features of Periodization outside Calendar Chronology and the Application of the Concept to Russian History], *Izobretenie veka. Problemy i modeli vremeni v Rossii i Evrope XIX stoletiya* [Invention of the Century. Problems and Models of Time in Russia and Europe of the XIX Century], ed. by E. Vishlenkova, D. Sdvizhkov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2013, pp. 319–329. (In Russian)

Bugrov, K.D., Kiselev, M. *Estestvennoe pravo i dobrodetel’: Integratsiya evropejskogo vliyaniya v rossijskuyu politicheskuyu kul’turu XVIII veka* [Natural Law and Virtue: Integration of European Influence in the Russian Political Culture of the XVIII Century]. Ekaterinburg: Ural State Univ. Publ., 2016. 480 pp. (In Russian)

Baumeister, F.H. *Nravouchitel’naya filosofiya v pol’zu blagorodnogo yunoshestva* [Moral Philosophy in Favor of Noble Youth]. St. Petersburg: Naval Gentry Cadet Corps Publ., 1783. 280 pp. (In Russian)

Bystrov, V.Yu., Kamnev, V.M. “Sud’ba russkoj filosofii i sovremennost’. Transformatsii tsennoستي i transformatsiya modelej” [The Destiny of the Russian Philosophy and Modernity. Trans-

formations of Values and Transformation of Models], *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2018, Vol. 34, Issue 3, pp. 333–347. (In Russian)

Chartier, R. *The Cultural Uses of Print in Early Modern Europe*. Princeton, New Jersey: Princeton UP, 2019. 376 pp.

Elias, N. *O protsesse tsivilizatsii: Sotsiogeneticheskie i psikhogeneticheskie issledovaniia* [On the Process of Civilisation: Sociogenetical and Psychogenetical Studies]. Vol. I. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga Publ., 2001. 330 pp. (In Russian)

Ifika ieropolitika ili Filosofiya nravouchitel'naya simbolami i prisposoblenii iz' yasnena k nastavleniyu i pol'ze yunym [Ethics or Philosophy of Moral Explained by Symbols for Benefit of the Young People]. Kiev: Kievo-Pecherskaya lavra Publ., 1712. 186 pp. (In Russian)

Korzo, M.A. *Nravstvennoe bogoslovie Simeona Polotskogo: osvoenie katolicheskoi traditsii moskovskimi knizhnikami vtoroi poloviny XVII v.* [Simeon of Polotsk's Moral Theology. The Development of the Catholic Tradition by Moscow Scribes of the Second Half of the 17th Century]. Moscow: Institut filosofii RAN Publ., 2011, 155 pp. (In Russian)

Korzo, M.A. "O formakh i sodержanii nravstvennogo nazidaniya v shkol'nykh uchebnikakh i detskikh knigakh dlya chteniya (XVI – nachalo XVII veka). Part I" [On the Forms and Content of Moral Instruction in School Books and Children's Reading Books of the 16th to the Early 19th Centuries. Part I], *Chelovek*, 2020, Vol. 31, No. 3, pp. 116–134. (In Russian)

Korzo, M.A. "O formakh i sodержanii nravstvennogo nazidaniya v shkol'nykh uchebnikakh i detskikh knigakh dlya chteniya (XVI – nachalo XVII veka). Part II" [On the Forms and Content of Moral Instruction in School Books and Children's Reading Books of the 16th to the Early 19th Centuries. Part II], *Chelovek*, 2020, Vol. 31, No. 4, pp. 147–164. (In Russian)

Kosheleva, O.E. "Rukopisnyj sbornik uchebnogo sostava i A.A. Vinius" [Handwritten Collection of the Teaching Staff and A.A. Vinius], *Rus', Rossiya: Srednevekov'e i Novoe vremya* [Rus, Russia: Middle Ages and Modern Times], ed. V.L. Yanin. Issue 3. Moscow: MSU Publ., 2013, pp. 491–498. (In Russian)

Kosheleva, O. "What Should One Teach? A New Approach to Russian Childhood Education as Reflected in Manuscripts from the Second Half of the Seventeenth Century", *Word and Image in Russian History*, eds. by M. di Salvo, D.H. Kaiser. Boston: Academic Studies Press, 2017, pp. 269–295.

Lambertini, P. "Mirrors for Princes", *Encyclopedia of Medieval Philosophy*, ed. H. Lagerlund. 2nd edition. Dordrecht: Springer-Verlag, 2020, pp. 1211–1218.

Lampe, G. *Patristic Greek Lexicon*. Oxford: The Clarendon Press, 1961. 1568 pp.

Mason, T., Smallwood, Ph. "Introducing the Long Eighteenth Century: Literary History and the New Pedagogy", *The Cambridge Quarterly*, 2000, Vol. 29, No. 3, pp. 191–213.

Magnickij, L.F. *Arifmetika* [Arithmetic]. Moscow: Print Yard Publ., 1703. 673 pp. (In Russian)

Pavlov, A.T. *Filosofskoe obrazovanie v Rossijskoj imperii* [Philosophical education in Russian Empire]. Moscow: MSU Publ., 2017. 379 pp. (In Russian)

Shustova, Yu.E. *Dokumenty L'vovskogo Uspenskogo Stavropigijskogo bratstva, (1586–1788): istochnikovedcheskoe issledovanie* [Documents of the Lviv Uspensky Stavropegic Brotherhood, (1586–1788): Source Research]. Moscow: Handwritten monuments of Ancient Russia Publ., 2009. 646 pp. (In Russian)

Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv. [Dictionary of Russian Language of the XI–XVII Centuries], Issue 4. Moscow: Nauka Publ., 1977. 403 pp. (In Russian)

Sreznevskii, I.I. *Materialy dlia slovaria drevnerusskogo iazyka po pis'mennym pamiatnikam: v 3 t.* [Reference Materials for the Old Russian Dictionary, based on Manuscripts]. St. Petersburg: Imperatorskaia Akademiia nauk Publ., 1893–1903. (In Russian)

Stjerna, K. *Women and the Reformation*. Malden; Oxford: Blackwell, 2009. 269 pp.